

Б.Б. ДОНДОКОВА

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФУТУРОЛОГИИ

Статья посвящена проблемам развития современной футурологии. Сущность и содержание образов будущего в футурологии определяется пределами принятой модели взаимоотношений вечности и времени в обществе. Основное внимание уделяется значению вечности как конститутивного элемента культуры в восприятии исторического процесса и горизонта будущего. Обращение к философским основам понимания вечности и времени создает новые возможности развития футурологии как пространства проектов, образов и сценариев будущего.

The article devoted to problems of development of modern futurology. The essence and the maintenance of images of the future in futurology is defined by limits of the accepted model of mutual relations of eternity and time in a society. The basic accent is given to value of eternity as constitutive element of culture in perception of historical process and horizon of the future. The reference to philosophical bases of understanding of eternity and time creates new opportunities of development of futurology as sphere of projects, images and scripts of the future.

Последней чертой эпохального поворота стал рубеж 60–70-х гг. прошлого века — трамплин стремительного ускорения, нового темпа социальной и культурной динамики, зарождения нового поколения общественных систем и коммуникаций. В переходный период истории человеческого сообщества приобрели актуальное значение дискуссии о горизонтах цивилизации, о необходимости решения стоящих перед человечеством глобальных проблем. Обсуждаемый альтернативный образ будущего человеческого сообщества получил разработку в концепциях постиндустриального, информационного, сетевого общества, конца истории,

---

Дондокова Бутидма Борисовна — аспирантка кафедры философии Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (Чита).

столкновения цивилизаций, новой мировой анархии, нового варварства, реориентализации, глобализации, нового мирового порядка, постсовременности, нового мира. Социокультурный контекст существования образов будущего включает в себя социально-исторические факторы, влияющие на цели и причины создания, содержание, пределы разнообразия, комплекс субъективных ментальных элементов социального развития, архетипическую, идеологическую и ценностно-смысловую основу. Образы ближайшего и отдаленного будущего человечества могут быть порождением идеологических манипуляций, научных открытий, результатом социальных трансформаций.

Формы познания будущего включают в себя философские предвидения, научные прогнозы, религиозные и утопические видения, социальные проекты, общественные идеологии. Для понимания источников отношения к будущему собственно человека как субъекта развития вне зависимости от его религиозных политических экономических взглядов, профессиональной принадлежности, необходима работа с первичной формой отношения к будущему – образом будущего. На современном этапе важно выявить, прежде всего, социально-философские основы формирования образов будущего. Изучение содержания, достоверности прогнозов, необходимости их социально-регулятивного воздействия дает возможность выявить направления видения будущего, попытки изменить настоящее или возвратиться к прошлому опыту, но осознание причин возникновения футурофобии, мифологизации образа будущего лежит в его изучении как синтеза иррациональных и рациональных знаний о будущем.

Образ будущего следует понимать как «некий идеальный образ, основанный на информации, личном и коллективном опыте, имеющий генетические корни и обусловленный историческим, этническим, социально-экономическим и социокультурным контекстом, и специфически отраженный в личных планах и ценностных ориентациях человека» [3, 6]. Целостный образ будущего, органично включающий представления о ближайшем и отдаленном будущем, выполняющий символические и социальные функции, направленные на стабилизацию и развитие общества, воплощается в культуре. Только посредством взаимодействия с культурой как целостной ценностной системой человек усваивает модель будущего в единстве рациональных и иррациональных компонентов и создает собственный образ будущего. При этом отдаленное будущее выступает в качестве некоего идеала совершенного общества, который обладает творческим потенциалом при определенной дистанции между ним и ближайшим будущим.

В настоящее время историческая ситуация выбора будущего все чаще сравнивается с блужданием в хронологическом лабиринте [1; 3]. Ситуация лабиринта подразумевает тупиковость, состояние ненаступления — непонимания истинного значения прошлого, настоящего и будущего. Так лабиринт символизирует бескачественную картографию различных социальных времен. Создание различных типологий, классификаций времени не приводит к постижению смысла времени и определению его конечной сущности. Блуждания в нем порождают отчаяние, понимание времени как дурной бесконечности.

Время приобретает все большую самостоятельность, отделяется от трансцендентальных качеств и в современных концепциях интерпретируется как многообразие сосуществующих темпоральных потоков. Стирание различий и сведение всех трех состояний бытия исключительно к линейной последовательности абстрактных модусов времени лишает человеческое сознание идентификации и возможности исторического самоопределения [1; 3]. В постмодернистской культуре преодоление страха человека перед историей и настоящим достигается идеологической манипуляцией массовым сознанием, моделированием культурных заменителей времени и вечности. На самом деле постмодернистская идея поверхности, как такой современный заменитель времени и вечности, продолжает традицию классической метафизики, претендуя на отождествление истории и метаконтекста «Представляя оппозицию объективизации времени, но, трансформируясь в своеобразный критерий объективности, концепция темпоральности, тем не менее, не продвигается в раскрытии феномена времени. Она лишь реферирует проблему его нередуцируемого остатка тайны времени и тем самым затушевывает притязания, доставшиеся ей по наследству от “колонизации времени”, в классической метафизике бытия и состоящей в том, чтобы овладеть историческим генезисом времени, его тайной основой» [6, 25].

Осмысление будущего как образа и категории времени тесно связано с проблемой определения пределов развития человечества во времени. В современных образах будущего пределы развития интерпретируется в рамках концепции темпоральности, фактически утрачивая подлинный смысл, обретая количественное измерение. Осмысление проблемы пределов развития в прогнозах и образах будущего требует анализа взаимосвязи категорий «истории», «вечности» и «времени». Пределы развития имеют не только временную основу, их понимание зависит от качественной интерпретации эволюционного характера и смысла развития. Работать нужно со смыслами пределов, а не значениями переменных величин в движении между двумя точками. Ключом к разрешению сложив-

шейся ситуации станет пересмотр традиционного понимания времени. Современные модели времени в западноевропейской науке в своем существовании и развитии подошли к обозначению одних и тех же извечных вопросов, не получающих должное раскрытие из-за принятых аксиом изучения взаимосвязи категории времени с категориями движения и изменения. Тогда как в других традициях, например китайской философии и, в первую очередь, моизме, проблема времени раскрывается в ином ракурсе без придания времени статуса свободной и независимой от каких-либо характеристик жизненного процесса субстанции. Тем самым понимание переходного характера времени и сезонности как центральной категории анализа времени в китайской философии может послужить обозначению возможных границ толкования будущего в современных теоретических исследованиях. Перенос акцента в изучении времени с определения пределов и существования времени между двумя точками, обозначающими предел, на переходность протекания процесса, и модификации-движения, модификации-изменения может стать одной из точек развития футурологического знания. На современном этапе качественного исчерпания принципиально иных и в то же время привлекательных моделей будущего в связи с истощением образно-символической и технологической почвы актуальность содержательной переработки и совершенствования футурологических концепций является бесспорной. Бессмысленность поиска пределов развития и постмодернистских попыток постичь современный характер ускоряющихся разнонаправленных потоков времени с помощью обширно применяемой концепции темпоральности очевидна и раскрывается в преходящем характере и исчезающих элементах настоящего в различных сценариях будущего.

Суть трансформаций мысли о времени на основе достижений китайской философской традиции заключается, прежде всего, в изменении интерпретации процесса эволюции. Вместо обозначения пределов и движения между двумя точками эволюция принимает значение непрерывного процесса изменений, регулируемых только необходимостью постоянного приспособления совершающимися видоизменениями. Однако вышесказанное вовсе не означает бессмысленность цели в сценариях. Рассматривать цель в футурологических проектах принято на самых различных уровнях. Построение дерева целей в конкретных социально-экономических сценариях лишней раз демонстрирует технологичность подобной процедуры, но никак не философскую телеологичность. Предел развития в современной техницистской трактовке лишь усугубляет проблемы восприятия будущего. Предел имеет скорее трансцендентное звучание, нежели хронологическое. Цель истории в классической метафи-

зике заключается в выходе из истории в трансцендентальную область. Цель прогресса, как правило, достигается лишь в конце истории. Достижение прогресса привело к разочарованию в абсолютном как цели истории, поиску новых целей. Европейское рациональное мышление, в противоположность другим традициям, абсолютизировало историческое время, признав его высшей ценностью. «Абсолютизация исторического процесса влечет за собой снижение ценности человеческой субъективности как источника и смысла времени» [1, 14]. Источник и мерило нравственных ценностей, согласно логике истории, оказались перенесенными в будущее. Взгляд на время как на историю в крайних формах ведет к отрицанию всякого времени.

Так в современных образах будущего часто нарушается принцип взаимосвязи реального и идеального, рационального и постигаемого интуитивно, как центрального принципа существования образа будущего. Исчезает Горизонт, предел развития как символ Иного, Другого. В прошлом в качестве предела в представлениях о будущем выступала вечность. Так в ситуации постоянной исторической реконструкции, реинтерпретации событий в зависимости от настоящего проблема сохранения горизонта как абсолютного метаконтекста является наиболее актуальной. «Горизонт, оказывается тем контекстом, в котором схватывается значение объекта и актуализируется его присутствие. Горизонт, понимаемый как контекст, позволяет нам судить о том, с какой полнотой переживается очевидность. Он создает условия для того, чтобы перспектива осуществления того или иного интенционального акта отчетливо осознавалась» [2, 296]. Горизонт движется вместе с субъектом, продолжает двигать его вперед. Это касается, прежде всего, глобальных прогнозов развития человечества, образов будущего. Горизонт как метаконтекст в конкретной исторической ситуации воспринимается как абсолютно другой, качественно иной. Вечность предстает как Иное времени в трактовке Э. Левинаса, абсолютное Другое.

Вечность, в классической метафизике определявшаяся как источник и основа времени, подвергается усиленной критике со стороны философии экзистенциализма, постмодернизма и постепенно традиционная бинарная оппозиция «время-вечность» деформируется под влиянием исторических и социальных факторов. Однако мы предполагаем, что решающая роль в формировании проектного пространства будущего по-прежнему принадлежит возможностям принятой модели вечности, где задаются пределы времени и качества изменений.

Модель вечности, представляя собой сложноорганизованный комплекс представлений о времени, социокультурных архетипов, организу-

ет исторический горизонт, определяя понимание бесконечности развития, в конкретном социально-историческом контексте формирует в единое целое осмысление прошлого, ставит задачи для будущего, углубляет понимание настоящего. Прошлое и будущее являются областями возможного расположения вечности в культуре. В период кризиса модели вечности и организации ее трансцендентно-трансцендентальной области на социальном уровне возникают представления о невозможности будущего социокультурной общности, смерти цивилизации. Перемещение вечности в будущее свидетельствует об осознании неполноты настоящего, стремлении к ощущению полноты времени. Однако трансцендентный остаток не может быть сведен к каким-либо заменителям или модусам времени в более поздних вариантах без противоречивых последствий, «всегда существует стремление принять локально-исторический контекст за метаконтекст, горизонт всей истории, что приводит к очередному кризису культуры. Однажды возникнув как отсроченная полнота настоящего, как метаистория или смысл истории, помещенный в будущее, метаконтекст должен сохраниться как «зарезервированное Ничто». В противном случае «история, которой неведомо то, что могло бы быть ей трансцендентно, сама создает свое внешнее» [7, 60]. Прежняя модель вечности соответствовала конкретному историческому периоду, беря на себя задачи метаконструирования всего исторического процесса, являясь при этом пустотой.

Уход от вечности как трансцендентного способа ориентации в историческом пространстве повлек за собой понимание бесконечности и пределов развития как явлений измеряемых в количественном порядке. Бинарная оппозиция характерная для философского осмысления проблемы времени на протяжении двух с половиной тысяч согласно мнениям ряда исследователей в современности испытывает глубокий кризис [1; 5; 6]. Заложенные в ней конституирующие смыслы не действуют в новых условиях и не выполняют прежних ориентирующих функций. Однако как доказывает А.Н. Смолина, причины подобного кризиса лежат не только в плоскости исторических изменений, но и заложены в самой бинарности оппозиции [6, 103]. Любая бинарная оппозиция имеет тенденцию к взаимозамещению элементов и переворачиванию. Как правило, в такой структуре присутствует третий элемент, часто отождествляющийся с одним из них.

Раскрывая логический порядок возникновения современного положения вечности в системе культуры, Смолина приходит к новой интерпретации вечности как измерения времени. Вечность осмысляется как метаисторический контекст в качестве конститутивного элемента культуры. Содержание метаконтекста упорядочивает направленность, струк-

туру глобальных прогнозов, синхронизирует пространство будущего, не исключая случайности.

Вечность не может отождествляться с конкретным периодом времени и помещаться вне его пределов, она должна действовать внутри исторического процесса, являясь активным агентом синхронизации времен. Выступая измерением истории, вечность не начинается, не заканчивается, не наступает, не имеет временной длительности, поскольку не помещается ни в прошлое, ни в будущее. Таким образом, время исполняется, время происходит. Вечность как метаисторический контекст необходима современной культуре как основа для осмысления хронологического времени.

Образ будущего, созданный на трансцендентальной основе, имеющий стратегические цели, учитывающий определенную историософскую позицию, оказывает огромное влияние на социальное самочувствие человека, на возможности его познания и творчества. Именно футурология в настоящее время является областью проявления соотношения временного и вечного образов будущего.

Футурология осуществляет прорыв сквозь время в вечность. Под футурологией мы понимаем, прежде всего, междисциплинарный подход к познанию будущего, основанный на предвидении миропорядка, понимании целей и пределов истории и ориентирующегося на их достижение в определенных направлениях и периодах. В этом плане определения телеологичности человеческого бытия философский подход к предвидению будущего действительно является сложной областью знания, переплетающегося с философией истории, теологией, эсхатологией и утопией, но в то же время являющегося самостоятельным научным направлением, выполняющим разнообразные мировоззренческие и социальные функции. Единого подхода к предвидению и прогнозированию будущего общества не может быть, однако существование различных методологических школ прогнозирования, таких как циклогенетическое, технологическое, историческое прогнозирование требуют адекватного осмысления и сопоставления результатов.

Футурология здесь претендует не на хронологическую достоверность, а на адекватную современности ориентацию в разнонаправленных потоках событий. Таким образом, футурология преобразовывает не только проектное пространство, но и образно-символические представления о будущем, принадлежащие различным субъектам развития. Категории «вечность — время» создают определенные интерпретации возможностей познания будущего. Сложное отношение к феномену будущего в научных и общественных кругах обусловлено страхом человека перед будущим и бегством от настоящего.

Стремится ли понять будущее футурология? Возможно ли понять перспективы времени и человечества с помощью рассуждений на основе использования разнородных фактов природного, социально-экономического, культурного характера? Если прогнозирование, борющееся за повышение достоверности сценариев и проектов, развивается в зависимости от заказов заинтересованных субъектов развития (социального, административно-управленческого, научно-технического), от совершенствования инструментария, от развития концепций, то футурология, как нам представляется, существует согласно действию иных закономерностей. Ее крайне непонятное положение требует разъяснения. Футурология между временем и вечностью в преодолении повседневных потребностей питается жадной попыткой Иное, приоткрыть тайну неведомого будущего. Футурология должна оставить претензии на междисциплинарность, не стоит ждать от футурологии реальных прогнозов, предсказывающих и предлагающих определенные планы и стратегические программы в ситуации кризиса. Следует признать, что футурология не должна брать на себя задачи, которые ставят перед собой научные школы прогнозирования – технологическое, интегральное макропрогнозирование, историческое. Нам видится, что единственной задачей футурологии как области знания должно быть создание проектного пространства качественно иных сценариев образов будущего, способных осуществлять символические функции. Таким образом, деление предметных областей футурологии и прогностики в принципе представляется затруднительным, но вот разведение функций и значения необходимо. Футурология испытывает кризис не потому что общество устало от прогнозов, или прогнозирование не оправдало надежд, скорее вследствие того, что почва, на которой она разрослась сравнительно недавно, в прошлом веке, истощена, и в период метафизического оскудения ей необходимо движение, пусть виртуальное, нейтральное, которое создаст новые или возродит старые импульсы и смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексина Т.А.* Власть Хроноса. М., 1994.
2. *Гадамер Г.Х.* Истина и метод. М., 1988
3. *Жюльен Ф.* О «времени». Элементы философии «жить»: Пер. с франц. В.Г. Лысенко. М., 2005.
4. Образ будущего: опыт социолого-философского анализа / Под ред. Р.А. Зобова, А.А. Козлова. СПб., 2001.
5. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
6. *Смолина А.Н.* Оппозиция время – вечность как конститутивные элементы культуры: Дисс... на соискание канд. филос. н.: 09.00.13. Волгоград, 2003.
7. *Смирнов И.П.* Новый историзм как момент истории // Новое литературное обозрение. 2001. № 47.